

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

В.А. Кутырёв

НАША ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ТРАНСМОДЕРНА

Аннотация: современная цивилизация превращается в саморазвивающееся постчеловеческое образование. Когнитивизм и технонаука объявляют реальность макромира проекцией вычислительной математики. Возникла и расширяется сфера инобытия. Это эпоха трансмодерна. Человечеству не хватает мудрости в использовании своих все более опасных знаний. Условием его самосохранения является обуздание гонки технологий и борьба со стихийностью инновационных процессов, контроль над ними. Предлагается философия сопротивления.

Ключевые слова: философия, технос, когнитивизм, иное, трансмодернизм, мудрость, идентичность, феноменология, управление, сопротивление.

Если историю человечества рисовать предельно широкими мазками, то она выглядит как движение от варварства к культуре и от культуры к цивилизации. В символической сфере этому примерно соответствует переход от мифа к логосу и от логоса к матезису. Так шёл процесс рационализации мира или, с лёгкой руки постмодернизма, пропуская логос, таково было движение «от поэмы к матеме».

Особенность современной, XX-XXI вв., цивилизации в том, что, идя по этому пути и непрерывно глобализуясь, она накопила огромные, немислимые в прежние времена богатства, а её рациональность стала технико-информационной. Превратившись в потребительское общество, создаваемое и регулируемое разного рода технологиями с остаточным вкраплением традиций и культурных форм, она устремилась к своему идеалу: некоему саморазвивающемуся, всё более производительному социотехническому образованию, в котором человек средство этого развития. На повестке дня — технологизация всего и вся, вплоть до процессов творчества. Возникает цивилизация универсальных систем и сетей (цусс). Или пусть будет — Технос.

Это чрезвычайно успешное по условиям быта и комфорту образование (общество). Почти рай! Но все, способные видеть дальше своего носа люди, говорят о его кризисе, конце истории и смерти человека. Так чего не хватает человечеству для полноценной жизни или хотя бы выживания (демографически его авангард вымирает буквально), не говоря о гармонии и счастье? Неужели

энергии? Денег? Вещей и информации? Да сколько можно! И сколько нужно? «Передовые» страны от них просто задыхаются, не зная как утилизировать, на что/кого истратить, куда выбросить. Тем не менее, разного рода средств и богатств кажется все мало, за ними она гонится, ставя задачу бесконечного «увеличения ВВП». Отказавшись от идеи устойчивости, она бросилась, несётся по пути бесцельного, без образца и идеала, научно-технологического ин-новационизма, который неизвестно куда ведёт и велика вероятность, что к Апокалипсису. Симптоматично, что о нём всё время говорят и ожидают, перенося вперед на ближайшие 2-3 года. Она сорвалась с тормозов, ножного, ручного, а главное, головного и лишается встроенного в себя, регулирующего её разума. Становится сначала бездуховной, а теперь уже без(д)умной. В этом трагедия нашей цивилизации. Превращаясь в постчеловеческую, в постобщество, она вступает в эпоху трансмодерна. А люди — пленники этого процесса. И если чего ей/нам сейчас не хватает, то конечно, Мудрости. Мудрости использования или не использования энергии, богатств, информации. Мудрости в (не) использовании техники и технологий. Где мы ее потеряли и продолжаем терять?

* * *

Человечество никогда не было особенно мудрым, на что издавна сетовали его великие представители. Наше время отличается тем, что дефицит мудрости приобретает сущностный, структурный характер. Она изгоняется из современной жизни и отношений «как класс», как

форма духа. Перестает быть целью и считаться «высшим уровнем знания». Оказывается не нужной в принципе. Даже вредной, тормозящей, мешающей. «Наука не мыслит» — утверждал М. Хайдеггер. Возможно, это жёстко сказано или неудачно переведено, но то, что она «не размышляет» — вполне очевидно. Отвечая на вопрос «как», она практически перестала спрашивать «почему» и «зачем», отказываясь от рефлексии, то есть созна(ва)ния, ограничиваясь техномышлением. Это происходит особенно по достижению цивилизацией информационной, «новационной» стадии. Отсюда соответствующее отношение к философии, к духовности, когда вместо любви к мудрости культивируется равнодушие или ненависть к ней — «фобисофия». Однако начнем с «Начала», когда мудрость и любовь ещё ценились и были живы.

«В Начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог» — сообщает Библия. По-гречески «Слово» — это Логос. Логос в определённом смысле есть преодоление мудрости, которая в нашем сознании (что не случайно), если подлинная, настоящая, то обычно «древняя» и «восточная». Это значит, *существовавшая до Логоса*. «Западной» мудрости как бы и не бывает. В самом христианстве, особенно его восточной византийской ветви, неудовлетворенность несовпадением логоса с мудростью выразилась в апологии Софии как Премудрости Божией. «Несогласие с логосом» в контексте греко-русской православной традиции дошло до XX века. София противопоставлялась логосу как душа духу, или как бытие духа, но все-таки ориентированного на чувственную интуицию, на более близкое, в сравнении с Логосом, божественному началу, прежде всего на ценностное, нравственное. С точки зрения В. Соловьёва, П. Флоренского и других «софиологов» логос уже не мудрость. Он оторвался от добра и красоты, он слишком «знание». С другой стороны, позитивисты стремились к преодолению философии из-за её смысловой многозначности, нечистоты, загрязнённости чувствами, вообще — жизнью. Адепт «строгой науки» Э. Гуссерль считал мудрость низшим уровнем знания, а русский последователь Э. Гуссерля Г. Шпет даже написал работу «Знание или мудрость», осознанно противопоставляя их как нечто объективное, истинное и субъективизм, произвольное.

Другие представители русской философии, понимая, что под напором происходящей рационализации мира Мудрость как таковую не отсто-

ять, боролись за «софийную» трактовку Логоса в виде целостно одушевлённого знания в противовес его позитивистскому сведению к чистому разуму. По этому вопросу вокруг образованного в 1910 г. философского журнала «Логос» развернулась знаменательная полемика. Владимир Эрн в книге: «Борьба за Логос» М., 1911 г. упрекал редакцию, что направление журнала не отвечает Логосу, как он понимался в античности, христианстве и философии вообще. Что логос у них из «Живого Слова» превратился в сухую и мёртвую мысль, в абстрактное *Рацио*, а потому название журнала есть «маска». Измена традиции. С историко-философской точки зрения В. Эрн был прав, но тенденция трансформации логоса в рацио побеждала не просто в журнале, а в духовной жизни, в предметной реальности.

В XX в. логос практически полностью отождествляется с «позитивным» мышлением, рациональностью и дискурсом. Если отслеживать названия, то возобновившееся в 1991 г. в России издание нового «Логоса» это подтверждает: журнал занял нишу наиболее абстрактного, аналитического, ориентированного на научность трансцендентально-феноменологического мышления. А после случившегося в философии структурно-лингвистического поворота, в ней настал трансцендентально-идеальный рай: всё предметное исчезло, всё живое и телесное умерло, кругом одни слова, язык, анализ и дискурс. Ни объекта, ни субъекта, ни означаемого, ни означающего. *There is nothing outside of the text*. Реальность стала знанием, знание — реальностью. Кто в него не попал, мучаются в аду веры и любви, чувственного и иррационального, страдают и лечатся от прорывов в сознание бессознательного. О мудрости в таких условиях вспоминать неприлично, философия, если допускается, то «научная», в виде «рассказов о высоких технологиях» или вырождается в технологию социального управления. Однако отношения и смыслы всё-таки остаются. Живи теоретик и радуйся, воспевай свое отсутствие, рациональный логос или логическую рациональность, кои, от-ныне, заняли место бытия.

Увы, счастье редко бывает долгим. Идеологическим выражением вступления цивилизации в технико-информационную стадию стал постмодернизм. Если его сузить до «философии», то постструктурализм. А это — *постлого(с)центризм!* Конечной целью провозглашенной в нём деконструкции онто(бытия)-тео(Бога)-фоно(эмпирии)-фалло(телесности)-лого(слово)

центризма (Ж. Деррида) был логос. «Классическое» рациональное познание мира по законам логики и на естественном языке — главная мишень в критике теоретического центризма. Пожертвовать логосом, отказаться от сознания — вот что требует постструктуралистская (не)философия. Пожертвовать языком, отказаться от слова — вот о чём говорит она человеку. Логофобия, логотомия — зафиксированные в словарях, специфические категории постмодернизма, предназначенные для борьбы с логосом. Его «лоботомии». Руинизации предметного мира и рас/за/чистки места для Иного. Борьбы не с какой-то там древней мудростью или духом, а с рациональностью и пониманием, которые тоже больше не нужны и которыми тоже нужно — «пожертвовать». Борьбы *со смыслом*.

Значит ли это, что постмодернизм отказывается от мышления вообще? Нет. Оно сохраняется, однако при условии, если это будет «письмо». Письмо не буквенное («голос», «звуковое»), а архиписьмо, состоящее из «грамм», грамматология. Т.е. если оно не качественное, а количественное, не словесное, а цифровое. Если вместо логоса — матезис, топос. *Исчисление*. И лучше, когда оно не «ручное» (головой), а информационно-компьютерное, основывающееся на принципе «следа и различия». Математически «говоря» — в битах (граммах): 1001010001110... Граммы как единицы письма — преврат(щен)ное, гуманитарное имя для бит-ов как единиц информации. Это тоже рациональность, но постчеловеческая, когнитивная и машинная — *авторациональность Техноса*. Это тоже мышление, только трансцендентально-когнитивное, но в отличие от гуссерлевского трансцендентализма, без интенциональности, «абсолютно внешнее» (Ж. Делёз), т.е. «без о-сознания». Без рефлексии. Мышление как программирование, как чистый (виртуальный) интеллект, в пределе — *Искусственный Интеллект*. И тогда наступает эпоха трансмодерна. (транс — сквозь, через, переход в Иное). Если говорить о мире в целом, то, другими словами, это есть эпоха «конца света». Собственно человеческого мира и торжества зомби, роботов, наноботов под прикрытием эвтаназийной лжи о будто бы нашем бессмертии в/через них.

В классической философии привычно думать, что всякое мышление есть сознание, логос, язык, что это словесное обозначение предметного содержания, его обработка и движение в понятиях, суждениях и умозаключениях, которые, в

конце концов, дают нам модель мира, позволяют ставить цели и решать задачи по выживанию в окружающей среде. Мы все время представляем, помним, подкрепляем образами реальных предметов то, о чем с-мыслим и ведём речь. В целом оно должно служить нашему Благу. В прежние времена мышление без блага, не «ведущее к Храму» не ценилось или считалось опасным. «Разум без божьего страха держимый, меч есть от мужа безумна носимый» (Семеон Полоцкий). Потом, как известно, стало цениться полезное знание (Ф. Бэкон), но полезное для человеческой жизни. Во всех случаях это было знание, соотнесенное с *мерой человека*, что собственно и есть главное свойство мудрости.

В отличие от него, с возникновением информационно-компьютерных технологий и отражающей этот процесс когнитизации знания, т.е. когнитивистике, возникают внутренне не связанные с целями и ценностями, чисто формальные, математические способы об/пере/работки реальности. Полу-и-полностью автоматизированное *мышление-исчисление, знание-коммуникация*. Радио превращается в когницию. Радио — это сознание, отношение между вещами, установление различия и тождества, функция от аргумента. Когницию — это когда отношение, различие, функция берутся сами по себе, как первичные, «субстанциально». Но тогда это субстанция пустоты, ничто. Пробел, о, различание. «Нулевой», априорный субстанциализм есть нигитология, чистая мысль, базисным философским о(бо)снованием которой был трансцендентализм Канта-Гуссерля. Когнитивизм — это своего рода «научный трансцендентализм», а трансцендентализм — философия когнитивизма. Отказываясь в эпоху модерна от поэзиса и мудрости в пользу логоса и рациональности, на этапе постмодерна человечество начинает отречься и от вторых, последних — в пользу матезиса и техноса. В процессе когнитивной коммуникации рационально всегда быть в состоянии on-line. В нем нет предметности, образов и смыслов — в таком «смысле» оно безбытийное, от которых/ого/ оно только отталкивается в начале или они «вышелушиваются» в его конце. Что происходит при интерпретации, но культивировать способность к ней становится все труднее, ибо под влиянием формального мышления человек постепенно совсем перестает понимать *о чем, о какой реальности* мыслит. И ему этого даже не надо. Вредно. В том числе в «конце и начале». Даже когда он мыслит «вручную», собственной

головой. Самый абсурдный вопрос, который можно поставить при подобном без(д)умном познании, это «Откуда мы, кто мы, куда идём?» Самый абсурдный предмет в нем — философия. А самый безумный, ненужный человек — «кто рассуждает», мудрец. *Когнитивно-технологическое мышление современной цивилизации отвечает только на вопрос «как».*

Первая глава знаменитой, достойной считаться одной из главных в XX столетии, книги Ж. Деррида «О грамматологии» называется: «Конец книги и начало письма». На первый взгляд название парадоксальное. Ему удивляются. Но это те, кто не видит амбивалентности когнитивной революции и превратного характера ее отражения в постмодернизме. Парадокс исчезает, если мы поймем, что письмо в данном случае не буквенное, не текстовое, а на основе постлогоцентристского (не)алфавита, дигитальное письмо-матезис. Оно действительно «после книги». Конец книги и начало компьютера, конец дискурса и начало программирования, конец о-смысл-ения и начало ис-числ-ения и, наконец, если говорить применительно к человеку непосредственно, то, что лежит в фундаменте этого процесса: *конец сознания (человеческого) и начало мышления (постчеловеческого)* — так разрешается мнимый парадокс Ж. Деррида. Так раскрывается тайна всего постмодернизма (в России, точнее, в Советском Союзе, тоже, не будем забывать, развивавшегося, прежде всего в рамках мыследеятельного движения Г.П. Щедровицкого) как идеологии и философии Техноса. Если по аналогии с структурно-лингвистической революцией, её выразить в лозунге, то будет: *There is nothing outside of the bit.* Если в начале XX века под напором структурно-лингвистической революции и ударами Слова, языка, текста отступили на задний план, потом пали, почти умерли Природа, чувственность и мудрость, то в его конце и начале XXI века под напором когнитивно-информационной революции вместо тех и других (не)живут Цифры, биты, информация.

В «конечном счете» бессознательно-безбытийное технологическое мышление, формальное мышление-исчисление, превращаясь в безъязыково-бессловесно-бессознательное, будет осуществляться «от мозга к мозгу» (а лучше, от чипа к мозгу, совсем хорошо, когда от чипа к чипу) над чем день и особенно ночь/ю/, особенно в технопарках работают представители инновационного, так называемого открытого церебрального

общества. Или даже «искусственного общества» = электронного постобщества. И этот процесс забвения мудрости, дошедший до «потери сознания» всё более ускоряется. Техно-информационное, в пределе — бессмысловое (без(д)умное) мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Всё больше людей охотнее пишущих, занятых компьютерной текстурбацией, нежели говорящих и предметно действующих. А когда они говорят, их язык отрывист, схематичен, суждения рубрикаторские, действия механичные. Зато никаких противоречий, никакой пресловутой диалектики. Потеря собственно человеческого, языкового и победа полностью формализованного, программного, *принципально антисмыслового* мышления объясняет(ся) кризис антропологии и гуманизма, переход к трансгуманизму, а точнее трансгоманизму и *posthuman study*, борьбу со всем реальным, еще не информационным, не виртуальным, со всем естественным и культурным в человеке — телесностью, этносом, полом, религией, моралью, образностью, духовностью, чтобы вместо этого стать «концептом», «аватаром», «персон(ой)ажем». И борьбу, конечно, с пережитками любомудрия. Оно теперь — «эзотерика». В книжных магазинах словом «метафизика» обозначаются полки с восточной и эзотерической литературой. Они еще вызывают интерес, а в разделе «философия» в основном классическая литература (мертвых) и учебники по философии (науки). Живые люди не по обязанности туда не ходят. В отстраненности от жизненных проблем, в голой «технологичности» — причина кризиса современной философии. Став служанкой технонауки, она потеряла дух мудрости. Стала полумертвой.

На безбытийное, постсознательное, посткреативное, бессмысленно-инструментальное когнитивно-коммуникационное мышление ориентируется глобальная система образования и это главный показатель его парадигмальности. Тестирование вместо рассуждения, спора и предварительного построения модели ответа — первичный специфицирующий признак перехода мышления от его образно-смыслового этапа к знаковому, от «поэмы к математике», от свободы, пусть ученического, но творческого построения новой познавательной ситуации к ограниченному выбору из кем-то и где-то заранее построенной. Происшедшее насильственное внедрение тестов, с очевидностью ведущих, если стоять на

лично-человеческой точке зрения, к примитивизации мышления, не только произвол чиновников от образования, или выражение их глупости, а объективный заказ прогресса на формирование «общества незнания». Не о-сознающего, но эффективного, адаптированного к машине и потому *безумно* производительного. И когда на всех перекрестках говорят об «обществе знания», то это злостный (само)обман. На самом деле формируется общество информации и чисто технологического, в пределе, автоматического интеллекта, с вкраплением в него (пока) «субъектности», «человеческого фактора», необходимого на стыках потоков компьютерных исчислений. Чаемый идеал такого бессознательно (не)мыслящего общества хорошо выражается популярным лозунгом: «За нас думает математика». Или (и) опредмеченная, «реализованная» математика — ИКТ, Интернет. Благодаря им/ему человек не нуждается в собственном знании, достаточно быть «компетентным» (*осведомленным* в каком-то вопросе, как толкует словарь иностранных слов). В современной ситуации — знающе-осведомленным, куда нажать в компьютере, чтобы, вытащив, «с-качав» из моря информации чужое знание, куда-то его «вставить» или зачитать по ксерокопии. Мыслить своей головой в таких условиях тоже, что вести устный счет в уме или столбиком на бумаге или, стоя рядом с многокубовым экскаватором, копать землю детской лопаткой. Никто устно и не считает. В принципе, с таким же успехом можно и перест(ну)ют думать, рассуждать и самостоятельно говорить. Как перестали копать/считать. Больше *не культивируют*. Ни землю, ни головы, которые, в качестве естественной и осознающих, существуют теперь «по традиции». Инерционно. В отсталых = не(до)модернизированных странах.

Институционально в системе образования принципиальный поворот от знания к компетентности зафиксирован, как известно всем компетентным людям, в положениях Болонской де(града)кларации. С неё началась технологизация и автоматизация образования, его замена на «управление знанием», в сущности, *управление сознанием*, т.е. программирование. E-learning, использование нейро-лингвистических методов и других достижений когнитивистики представляет собой постобразование как «напи(хи)тывание», наполнение обучающегося информацией «извне», без ее осознания. Самостоятельное, как обучение игре на гитаре по самоучителю. На-

чалось с обучения иностранному языку «за две недели», но по тому же принципу можно обучать чему угодно. *Минуя личность*. В таком случае XXI в. будет не веком образования, как объявляют на тех же перекрестках, а веком программирования, не веком творчества, а веком автоматизации всего, в том числе мысли. Веком постчеловека. А предварительно, слово «образованный» не будет ли означать «запрограммированный», посткреативный, то есть ограниченный, (п)оглупевший и для реальной, не (в) компьютерной жизни потерянный? Не будет ли это «мыслящий зомби»? Потерявший сознание, т.е. не о-сознающий, что и зачем мыслит. Чтобы потом перестать мыслить вообще. Очевидно, что в ближайшее время без/умно новационные теоретики *трансгресса* человека к бессмертному искусственному интеллекту будут считать интерпретирующее мышление таким же архаическим, как мудрость, духовность и (теперь уже) логос-языковая рациональность, а его/их живых носителей патриотами, консерваторами и опасными фундаменталистами. Произ/ходит/ойдёт это незаметно, в режиме эвтаназии, под наркотизирующие крики о гаджетизме и инновациях. Мы не будем знать, когда нас не будет. Если, конечно, всё не рухнет раньше под тяжестью результатов нашей, катастрофически ограниченной в понимании направления и целей, деятельности.

Фундирует и возглавляет эту деятельность наука и «научная философия», которые в эпоху постмодерна целенаправленно повели борьбу с условиями человеческого бытия как таковыми. Жаждают, работают над достижением «конца света». Античеловеческие, несовместимые с жизнью идеи культивируются не в фантазиях, не в обывательских спекуляциях желтой прессы, а на передовых рубежах современного познания. Его «самые умные», ученые (!) представители начали отказываться от мира, в котором живут. В основном, правда, делая это бессознательно. Но как они «дошли до жизни такой»?

* * *

В отличие от метафизической философии, которая только стремилась стать точной и «строгой» (да и то не вся), наука, прежде всего физика, гордилась, что достигает подобного состояния на самом деле. Тенденция, ярко развившаяся в позитивизме до середины XX в., основной заботой которого был поиск критериев такой точности. Однако с открытием микроми-

ра и появлением неклассической науки, идеям понятийной чистоты и опоре на наблюдаемые факты был нанесен смертельный удар. Изнутри самой науки. Хотя физики не любят это признавать, с тех пор их теоретические тексты не выдерживают критики с точки зрения строгости категориального аппарата. Чего только не появилось в постпозитивистских подходах: никогда не наблюдаемые кварки, из которых состоит «всё», гипотетический вакуум, из которого выводится «всё», струны, составляющие «всё», хотя это ещё было в пределах логической культуры. На фоне разыгравшейся «инфляции» они стали готовить «супы», варить «бульоны», «клей», рыли «туннели» и «кротовые норы». Физические понятия стали цветными, чётными/нечётными, появились таинственные чёрные дыры, недавно сменившиеся тёмной (=чёрной?) материей, которая, хотя по определению неопределяемая, но составляет, как определенно подсчитано, $\frac{3}{4}$ (?) от материи как таковой. Если это не образы и метафоры, не мировоззренческие, иногда прямо сближающиеся с мифологией, а порой и мистикой, конструкции, то, что же такое метафизика? За что ее третировали, начиная с позитивизма? Метафизиками с некоторых пор стали физики, только старая метафизика была осмотрительнее и аналогии насчет устройства Вселенной брала в природе, а не на кухне.

Вполне правдоподобно предположить, что этот кризис понятийного аппарата науки был выражением нарастающего несоответствия «размерностей» нашего жизненного мира и тех миров, «измерений», с которыми и когда она начала иметь дело в XX веке.

Но именно был, ибо теперь — новый поворот: в последнее время, то есть в постнеклассической науке среди ученых физиков возникла тенденция к единству и совместному отказу от метафор и расплывчатых понятий. Поворот к «строгости»! Однако за счет чего?

Это происходит по мере того, как физика уходит из макромира в микро и мега-миры еще дальше. И «глубже», к наноразмерностям, когда она окончательно перестает рассуждать о вещах и телах. (В вузах последние «кафедры твердого тела» переименовываются в «кафедры конденсированных состояний»). Когда явления макромира теряют свою субстанциальность, «самость» и начинают рассматриваться как проявления микропроцессов. Откуда следует, что любое «настоящее» познание сразу переводит все пробле-

мы на микроуровень. Подлинное знание теперь «там». Соответственно, естественные языки, возникшие в макромире, перестают использоваться при обсуждении проблем современной постнеклассической физики. Тем самым удается избавиться от сомнительных метафор, символов, расплывчатых, дву и много-значных понятий. Образное, даже смысловое сознание постепенно заменяется формульным, формализованным. В пределе, происходит отказ от семантики, от смысла, от о-сознания, что действительно даёт некую гарантию от соскальзывания в обычное, естественное, лого(с)центричное человеческое мышление. И ... физика постепенно перестаёт быть физикой. Становится сначала геометродинамикой, потом «универсальной теорией симметрии», «теорией метрических отношений элементов произвольной природы» и, наконец, уже/даже дегеометризируясь — «алгебраической структурой». Никакого «клея», «чёрных дыр», «туннелей», чистота и строгий порядок. И... естествознание окончательно перестает быть «познанием естества», наукой в традиционном смысле слова. Отсюда толки о «конце науки». Чувственная, вещно-предметная реальность макромира исчезает как таковая. То есть в теоретизировании исчезает сам макромир, наше бытие, сама «реальная реальность». Включая пространственно-временные отношения. Потому что все превращается в математику. Даже, как видим, не в геометрию, несущую на себе печать отражения его/ее пространственных характеристик, а лучше в алгебру, дигиталистику, исчисление. В науке произошел когнитивно-дигитально-информационный по(пере)ворот.

С распространением так называемой эвереттовской, многомировой интерпретации (ММИ) квантовой механики, он становится парадигмальным. «Никаких «многих классических миров» на самом деле нет, — пишет ее сторонник и «расширитель» М.Б. Менский. Есть только один мир, этот мир квантовый, и он находится в состоянии суперпозиции. Лишь каждая из компонент суперпозиции по отдельности соответствует тому, что наше сознание воспринимает как картину классического мира и разным членам суперпозиции соответствуют разные картины. Каждый классический мир представляет собой лишь одну «классическую проекцию» квантового мира. Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя, тогда как сам квантовый мир существует независимо от какого то ни

было наблюдателя»¹. Из этого емкого «нового слова» о сущности квантовой механики вытекает много чего необычного, революционного для сложившихся представлений в физике и науке вообще. Но обсуждать, принимать или не принимать предлагаемые новшества — не нашего ума дело. И только как любой живой человек, живущий в «этом» мире, среде тел и вещей, даже если бы и (не)физик, я имею право заметить, что многомирие в данной концепции весьма странное, какое-то одностороннее. *Статус подлинного бытия отдается несоизмеримому с человеком миру микро(нано)размерностей*, одному единственному, изучаемому квантовой механикой и математикой и используемому нанотехнологиями. Который, оказывается, *существует независимо от наблюдателя* (какое сальто по отношению к традиционному=(!) неклассическому, «копенгагенскому» подходу!) Все остальные «классические и неклассические миры» — его проекции, феномены, при условии, если квантовый математик по своей остаточной человеческой доброте и теоретической снисходительности допускает, что кто-то, их = нас, трехмерных и макроразмерных осознает. Что кто-то нас, наблюдая и вычисляя, «выбирает». (Хотя бы). Конструирует. (Будем надеяться). Ещё надежнее, что (бы) мы там (были) запрограммированы...

Кажется, начинает проясняться, куда идет дело, кто и где обладает реальным бытием. Но не для всех, особенно если они пленники своих теоретических занятий. Тогда нет предела уверенности и восторгам в утверждении самоотрицания. «Истинно существует некий, воспринимаемый только математическим разумом квантовый мир математических форм — алгебр наблюдаемых, недистрибутивных решеток и т.д. Его можно также назвать, следуя В. Гейзенбергу и В. Фоку, миром «объективно существующих потенциальных возможностей». При измерении происходит, аналогично, например, превращению света в звук, превращение этих математических объектов в физически воспринимаемые результаты наблюдений»². В общем, причиной всего сущего, или, говоря метафизически, субстанцией бытия (об)является математика.

Число. Цифры. И разумеется, не XIX в., не школьная, «человеческая», а «прикладная», то есть техническая, машинная, компьютерная, ставшая теперь фактически основной. В виде вычисления и программирования информации. Результатом чего является наш мир — «физически воспринимаемые результаты наблюдений». Не материя обладает свойством информации, а информация кодируется той или иной формой материи: It,s from bit. И не человек теперь наблюдатель, а также вычислитель, наоборот, он результат, продукт наблюдений, а также вычислений. Поистине, *переворот миров!* Да что тут удивительного, если: «Согласно ММИ человек — это волновая функция, которая является частью квантового состояния, представляющего собой мир, который, в свою очередь, является одной из компонент суперпозиции многих квантовых состояний, образующих то Состояние, которое является Вселенной»³.

Таким образом, из квантово-информационного состояния никому никуда не вырваться. Кроме него ничего не мыслится. Автор, вернее, «последняя волновая функция», не дает ни человеку, ни предметной реальности хотя бы статуса феномена. Потому что их пока никто не измерил и не оцифровал. Это отказ не только от классического, но и неклассического мировоззрения, представленного как релятивистской, так и «копенгагенской интерпретацией» микромира. В результате получается, что планета Земля, её природа, жизнь, люди, все события на ней, а также другие звезды и планеты, короче, весь «этот свет» — вторичные качества. А лучше, если посмотреть на него «подлиннее» — отсутствует. *Для современной, т.е. когнитивной науки он, собственно человеческий жизненный мир — кончился.* Ситуация, которую удачно, хотя как всегда хитроумно, выразил своей знаменитой формулой Ж. Деррида: «И вот — зола». (Наше) бытие — это ничто. Вместо него — *Иное* (тот свет).

Но все-таки оно/он/иное что-то: информация. Вернее, оно/она теперь — *Всё*. Информация, коммуникация и есть бытие. Разумеется, для тех, чье сознание, когда оно ясное, означает «состоявшийся вычислительный процесс», а неясное — «процесс, который не сошелся». В конце

¹ Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4. С. 424.

² Гриб А.А. Квантовый детерминизм и свобода воли // Философия науки. Вып. 14. Онтология науки. М., 2009. С. 23.

³ Вайдман Л. «Раздвоение сознания» у нейтрона, или Почему мы должны верить в многомировую интерпретацию квантовой теории» // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 183.

концов, дело дошло до представлений об эволюции земной жизни, а потом всей Вселенной как «эволюции Информации». Которая изначально не что иное как «глобальное галактическое информационное поле, продолжительность которого многократно превышает время жизни носителей этого поля — отдельных разумных цивилизаций и развивающееся по собственным законам»⁴. В «инонизме» происходит своего рода информационная смерть Вселенной, как в XIX в., когда боялись тепловой. Но боялись. Информационной почему-то не боятся. Не только человек, как живое, целостное существо, но даже отделившийся от него чистый Разум, больше «не венец творения». Потому что «эволюция бесконечна», «прогресс не останавливается». И всё-таки его готовы остановить, если в качестве бытия вместо материи, энергии или напоминающего о чем-то человеческом Разума, признать «Галактические информационные поля». «Поля» тут, конечно, не фермерские и даже не электрические, а просто — слово (не преодоленная образность человеческого мышления). Слово и «галактики» (не преодоленный пережиток материально-энергетического универсума). Остается одна чистая форма, «голая» информация, ее «биты/атомы», как элементарные частицы континуума Ничто. Вот она — ве(ко)нец творения! Оказывается, конец прогресса возможен, существует. Ради абсолюта информации, ради превращения в питательный бульон можно пожертвовать даже всей эволюцией. И эволюционная эпистемология становится информациологией. Дальше уйти человеку от себя, кажется, больше некуда. Это scientistское одичание, это technicistское умопомешательство, эта идейная реализация «Матрицы» братьев Вачовски (технически она уже реально разрабатывается под именем «Мировой Решетки»), называемая когнитизацией нашего по(со)знания, захватывает в нем одну сферу за другой. Если в постмодернизме процесс трансформации мира в виртуальное состояние как-то маскировался, ибо его представители в той или иной степени понимали, что он значит для человека, то растущее число представителей когнитивной науки как постфилософии совсем утрачивает способность к мировоззренческой рефлексии. Они полны теоретического энтузиазма и иск(о)ренне, по сути не ведают, что т(го)ворят, приме-

⁴ Панов А.Д. Разум как промежуточное звено эволюции материи и программа *seti* // Философские науки. 2003. № 9. С. 137.

няя свой редукционизм ко всему, что возможно и невозможно⁵.

Полагают, что если что-то «оцифровать», то это и будет означать: познали. Если, предвзвешенно переведа в информацию, что-то уничтожить, хоть все живое, это будет означать: сохранили. Когда Эйнштейна спросили, всё ли можно описать средствами науки, он ответил, что можно, но не имеет смысла. Это всё равно как симфонию Бетховена выразить графиком изменения давления воздуха. Но так теперь слушают музыку жизни. Все больше. «Они не видят и не слышат, живут в сем мире как впотьмах» — так сокрушался поэт о современных ему обывателях. Теперь тьма наступает — научная. Без(с)мыслие — информационное. Безжизненность — техногенная. Эпоха Трансмодерна означает, что время нигилизма кончилось. Наступает время «позитива». Позитива, но — Иного. Для человека это означает переход к трансгомонизму как состоянию его смерти, маскируемой болтовней о его бессмертии. Да, бессмертие будет, искусственное тело создадут, только виртуально-техническое, без живых людей. «Тёмное Трансвековье». *Время Mortido*.

Собственно говоря, это ситуация экспансии на мир мировоззрения человека, проводящего время жизни в основном за компьютером и занятого либо программированием, либо пользованием. Например, «компьютерного физика», ставящего будто бы лабораторные эксперименты. Или подростка, который, раз/с(по)лагаясь на диване, будто бы мужает в опасных приключениях. Домохозяйки, выбирающей покупки будто бы на торгах. В любом случае с кругозором, не выходящим за рамки экрана. Его интересы ограничены виртуальностью, жизненные силы и волевое начало подорваны, все вопросы, даже быта, решаются посредством отчужденной технической коммуникации. *Homo informaticus*, с

⁵ В порядке подтверждения экспансии трансмодернистского когнитивизма, достаточно привести несколько заголовков: Анисов А.М. Вычислительная метамодель реальности и проблема истины // Логические исследования. Вып. 13. М., 2006; Мальчукова Н.В. Субъектность и исчислительность в объяснении и функционировании языка // Философские науки. 2009. № 8; Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10; Яковлев В.А. Сознание: информационно-синергетический подход // Философия и культура. 2011. № 10 и т.д., следите за дальнейшим самоубийством антропогенного сознания.

(о)наноактивностью «человека без органов», оператора с мировоззрением «что вижу, то имею». Свое «ускользающее бытие», «недобытие», постбытие, он выдает за полноценное бытие, объявляя возможное действительным, а виртуальное реальным. И наоборот, реальное считает виртуальным. Внутреннее, духовное заменяется внешним, технологическим. Физические, пространственно-временные вещи действительно труп бытия, «зола», они действительно вытесняются «вещами сознания», в лучшем случае симулякрами, когда «копия важнее оригинала». Для «него» и все больше «нас», так оно и есть. Предметный мир, жизнь, тело и чувственность, понимающее (с)мыс(ш)ление — то, что считалось подлинным, предстает вторичным, мнимым, а абстрактное, формальное, мнимое — первым, подлинным. Что бы ни говорили теоретические жучки-водомерки, Маркс, увы, был прав: бытие определяет сознание. Небытие тоже определяет сознание. Возникает «сознание небытия». И сознание превращения во что-то другое = сознание «транс»(модернизма) — начавшегося Конца (нашего) света как его эвтаназийно-апокалипсической «перезагрузки». Ради иноми(е)рного бытия на Том = нов(ационн)ом свете. Борьба этих миров. За и вокруг человека. Пока.

Пока ставятся эксперименты. Уже ставятся эксперименты. Вот, как подтверждающий пример, самый известный из них.

В последний час. Появились творцы прямого светопреставления. На Земле запустили Адронный Коллайдер, признают, что из-за этого эксперимента возможна цепная реакция и неконтролируемое развитие процессов. «Учёные утверждают, что запуск коллайдера безопасен, однако в мире немало и тех, кто готовится к концу света» (сообщение Интерфакс от 13. 09. 2008 г.). Другие физики (сами физики!) признают, что такая вероятность есть, но она очень, очень мала. Хотя все-таки есть. По этому случаю два известных физика подали в суд. Кажется, в швейцарский. Пусть мала, однако, есть, так зачем же играть в эту безумную игру? Запускать русскую рулетку для всей Вселенной? «Науке интересно». Но чтобы до конца понять явление, его надо воспроизвести. Хотят воспроизвести рождение нашей Вселенной. В принципе, это значит, что моделируется = создается «новая Вселенная». А две Вселенных сразу быть не может. Значит, какая-то из них должна исчезнуть. Логично, если это будет «старая». Если

ее сразу не взорвут, разыскивая одну научно-мифическую «частицу Бога», то к этому будут двигаться, решая следующие, более сложные задачи. В общем — двигаемся, привыкли, ведь пока ничего не случилось.

О том, что игра продолжится, говорят как об очевидном. И вероятность «неконтролируемого процесса» будет возрастать. Философское осмысление данной ситуации обязывает сказать, что **человечество приступило к экспериментам по самоуничтожению**. Адрес Универсальной Машины (УМ-а) смерти: Европа, граница Швейцарии-Франции; время начала ее работы: сентябрь 2008 года. Отсчёт пошел, рано или поздно этот УМ сработает. «Однако в среду вряд ли удастся стать свидетелями конца света, поскольку образование новых частиц возможно лишь тогда, когда протонные пучки будут сталкивать. Пока же их запустят в одном направлении» (сообщение Интерфакс от 13. 09. 2008 г. — продолжение). «Вряд ли удастся стать свидетелями конца света» — в этом чудовищном выражении официального сообщения — бессознательное «всё» современной, безнадёжно обез(д)умевшей цивилизации. Хотят быть свидетелями(!) конца света и жалеют, что «в среду» он еще не случится, а если случится, «в четверг?», то это недостаточно скоро!! При этом, хотят остаться наблюдателями, как в телевизоре или перед компьютером. Начинаешь верить, что когда фантасты объясняют причины отсутствия в космосе сигналов разума неизбежностью гибели цивилизаций в результате самоубийства, они не такие уж фантазёры. Так что предсказанный в Библии конец света — может быть, вот он, рукой подать. (Даже потрогать). Конец света (будет) по-научному. После него — «Тот свет», как наша предельно универсальная и все обобщающая Ин-Новация. Последняя †.

Или — слабо мерцающая надежда: если мы, в тоске и тревоге, сумеем остановиться, оглянуться и, как Антей к Земле, припав к Истокам, к соразмерному с человеком миру, культивируя *феноменологический реализм и философию сопротивления*, понять: «Почему эту/эту цивилизацию(я) не любит мудрость?»

И — отказаться от нее. Хотя бы бороться с ней. **Отказаться от без(д)умного инновационизма в пользу управляемого развития. (Controlled development). Наше положение безнадёжно, значит надо сделать всё, чтобы его изменить.**

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. М., 2002.
2. Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2009.
3. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002.
4. Гуревич П.С. Деантропологизация человека // Вопросы философии. 2009. № 3.
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.
6. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.
7. Кутырев В.А. Философия Иного, или небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 12.
8. Нейсбит Дж. Высокая технология, глубокая гуманность. М., 2005.
9. Фукуяма Фр. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.
10. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека // Философские науки. 2009. № 2.

References (transliteration):

1. Bodriyyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo. M., 2002.
2. Virtualistika: ekzistentsial'nye i epistemologicheskie aspekty. M., 2009.
3. Virilio P. Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana. M., 2002.
4. Gurevich P.S. Deantropologizatsiya cheloveka // Voprosy filosofii. 2009. № 3.
5. Ivanov D.V. Virtualizatsiya obshchestva. SPb, 2000.
6. Kastel's M. Galaktika Internet. Ekaterinburg, 2004.
7. Kutyrev V.A. Filosofiya Inogo, ili nebytiynnyy smysl transmodernizma // Voprosy filosofii. 2005. №7. С. 12.
8. Neysbit Dzh. Vysokaya tekhnologiya, glubokaya gumannost'. M., 2005.
9. Fukuyama Fr. Nashe postchelovecheskoe budushchee. M., 2004.
10. Epshteyn M.N. Tvorcheskoe ischeznovenie cheloveka // Filosofskie nauki. 2009. № 2.